

Часть 4

Мой офис несколько месяцев спустя.

Я любовался фотографиями здания после недавно закончившегося ремонта.

Полы, потолки и стены — все было выполнено в белом цвете. Такая приверженность одному цвету нужна для создания впечатления чистоты всего заведения. Искренность, непорочность, чистота, святость — белый цвет вызывает в памяти много сильных и положительных образов.

В будущем многие люди, имеющие отношение к правительству, будут приходить сюда и наблюдать за процессом обучения в стенах этого учреждения. Получается своего рода стратегия, работающая на имидж, не стоит сбрасывать ее со счетов.

— Доброе вам утро, Аянокоджи-сан.

— И тебе.

Камогава вместе с инженером отправился в Сайтаму для выполнения финальной проверки, там он с планшетом в руках осматривал внутренние помещения. Похоже, все работы подходят к концу: он вернулся в офис с явным облегчением на лице.

— Мы там закончили.

— Отлично сработано. Здание получилось в точности таким, каким я его представлял.

— Как только у нас вышло обойтись тем бюджетом и получить столь хороший результат? Работы ведь обычно в разы дороже должны обходиться.

— Среди подрядчиков найдется немало тех, на кого можно что-то накопать, вот и вся причина.

Если вместе с угрозами прошептать на ухо весьма интересное предложение, они согласятся на сотрудничество, не обращая внимания на прибыль.

— И проект обучения кадров наконец-то начинает приобретать очертания!

— Ну да.

— Все благодаря тому, что вы расшевелили людей из финансовых кругов, Аянокоджи-сан. Подумать только, за одну ночь собрать четыреста миллионов!

Сумма была вложена в учителей, землю и недвижимость, а также в строительство самого учреждения. Потратить пришлось практически все четыреста миллионов. Сбор средств может стоить жизни, а вот потратить их большого труда не составляет.

— У них столько денег, что сами не знают, куда их деть, но при этом они постоянно жаждут почестей и славы. И они желаемое получают, если программа окажется успешной. Судя по званому вечеру, к ним, скорее всего, поступает много аналогичных предложений.

Они вложились сразу в несколько проектов, включая мой, в надежде на то, что какой-то из них выстрелит и станет прибыльным. Наверняка даже не задумываются о них глубоко. Возможно, часть из них уже забыла о моем существовании.

— Вы хотите сказать, что они многого от нас не ждут?

— Сейчас так даже лучше. Скорее, рисков было бы больше, если бы они пристально за нами наблюдали.

Хотя однажды такое внимание нам пригодится. Ведь нам предстоит не только привлечь учителей, которые займутся образованием, но и самих детей.

— Но начать нужно с названия учреждения, в стенах которого и будет реализовываться проект обучения кадров. И я его придумал.

— Э, вот как? И какое название вы придумали?

— Белая комната. Белый цвет на переднем плане подчеркнет образ чистоты и честности.

— «Белая комната»... Ясно. Хорошее название. Простое и понятное.

Любой, кто увидит это место, подумает, что оно соответствует своему названию.

— Поскорее бы к нам уже наведались важные шишки, в том числе Наоз-сенсей! — с упоением произнес Камогава.

На деле, однако, все будет не так просто.

— Камогава, скажу одну важную вещь. В мире политики нет простого разделения на друзей и врагов. Твое легкомыслие может привести к необратимому.

— Э?..

Похоже, он не понял смысла, поэтому с глупым видом наклонил голову.

— Забудь. Для тебя это пока слишком рано.

Внешне дела могут складываться весьма удачно, но я все еще шагаю по мосту, готовому развалиться в любую секунду. Камогава даже понятия не имеет, как страшно по нему идти.

— Чем мы займемся дальше?

— Сегодня в офис должны прийти несколько человек для прохождения собеседования. Ведь нам вдвоем не организовать работу Белой комнаты. Я назначил на четыре.

Нельзя допустить к воспитанию детей дилетантов.

Камогава взглянул на часы и слегка понуро склонил голову. Было без десяти четыре, и он, должно быть, подумал, что будет лишним на собеседовании.

— Ты можешь остаться, за компанию.

— Э, вы уверены?

— Ты тоже отвечаешь за Белую комнату. У тебя есть полное право знать, с кем мы будем работать.

С сияющими от радости глазами Камогава спешно принялся за уборку.

Где-то за минуту до назначенного времени в дверь офиса постучал посетитель.

— Войдите.

На пороге появился Соя — облаченный в белый халат мужчина. Он слегка поклонился и прошел вперед.

— Здравствуйте-здоровствуйте, Аянокоджи-сан. Я и подумать не мог, что столь великий человек обратится к подобному мне второсортному ученому!

Натянута улыбаясь, он протянул мне руку. Я презрительно покосился на нее, а после поднял взгляд.

— Я про найм еще ни слова не сказал.

Соя когда-то был врачом, однако своими действиями спровоцировал некоторые проблемы дисциплинарного характера, в результате чего был лишен врачебной лицензии. После занялся исследованием вопроса человеческого развития и публиковал научные работы. Часть публикаций высоко оценили, но из-за прошлого вернуться на сцену так и не смог.

— Камогава, если составил о нем первое впечатление, можешь высказаться.

— Мне... точно можно?

Камогава до сих пор молчал, чтобы не вызвать ссору, однако по его лицу было видно, что он сдерживается.

— Да, я хочу услышать твое мнение.

— Тогда, прошу прощения, а почему вы пришли в лабораторном халате?

— Что еще за вопросы? Не приходите же мне в чем мать родила.

— Я говорю не об этом... Обычно на собеседование приходят в строгом костюме. Мне казалось, это общепринятая практика.

Соя посмотрел на себя, затем неуверенно кивнул.

— Но это сущий пустяк, разве нет? Белый халат для меня — нечто вроде парадной формы, поэтому не думаю, что есть какая-то проблема. И это скорее показывает меня настроенным более серьезно, чем если бы я был в обычном костюме, — ответил Соя. Он говорил так, будто не делал ничего странного.

— А-Аянокоджи-сан... Как поступим?

«Вы собираетесь нанять этого человека?» — читалось в его взгляде.

Поведение и внешний вид, слабо вяжущийся с собеседованием, действительно вызывали много вопросов. Однако от необходимых Белой комнате кадров не требуется ни того, ни другого.

— Врачебной лицензии у меня как таковой нет, но могу похвастаться своим превосходным послужным списком.

— Да плевать мне на твой послужной список.

Похоже, сначала нужно разрешить возникшее недопонимание.

Но поведение Сои, кто до сих пор глупо посмеивался, внезапно переменялось.

— Хватит этого... И вы туда же? Тоже собираетесь упрекать меня за сделанное в прошлом? Я пришел, потому что собеседование, как говорилось, будет проводиться без этой оглядки назад. Похоже, ошибся!

— Не додумывай за меня. Я сказал, что мне плевать на твой послужной список. Это касается всего пути, по которому ты прошел за свою жизнь. Где учился, в какой клинике работал, на какие преступления шел — мне ничего из этого неинтересно.

Соя уже начал вставать со своего места, но остановился.

— Все, что мне нужно, это текущие воззрения и способности. Как врач, ты выделялся своей точкой зрения, навыками и проницательностью. У тебя есть уверенность, что сможешь их проявить?

— Я могу многое понять о человеке, стоит только взглянуть на него. Так было раньше и остается сейчас, — Соя впервые показал себя в качестве исследователя.

— Чтобы сделать шаг в подпольный мир, нужна определенная смелость и решимость. Это все, что я хотел увидеть здесь и сейчас. А согласишься ли ты, узнаю только тогда, когда посмотрю на тебя в деле.

Каким бы ни был его характер — неважно, у нас нет возможности придирааться к таким вещам.

— Я прошу прощения... — Соя глубоко поклонился, хотя никто его об этом не просил. — После увольнения я несколько лет... проедал свои накопления, злясь на весь мир. Я стал затворником, полностью порвал связь с внешним миром.

— Вы испытываете сожаление за совершенные ошибки? — спросил Камогава.

— Сожаление? Нисколько! Меня и сейчас пробирает злость, когда вспоминаю, почему этот сброд продал меня.

То есть он не считает, что сделал что-то неправильно. Живой пример человеческой природы, которая самым естественным образом заставляет опуститься на дно.

Можно сказать, он — полная противоположность серьезному и идущему с добром по жизни Камогаве.

— Я дам тебе шанс влиться в общество обратно. С этого момента ты будешь работать под моим началом: наблюдать за объектами как исследователь и бывший врач, а также помогать их

дальнейшему развитию. Идет?

Идти ему все равно больше некуда. Он получит работу, и к нему будут относиться как раньше, так что жаловаться ему не на что.

— Благодарю вас. Я непременно оправдаю ваши ожидания.

Уведомив Сою о найме уже на этой встрече, я отправил его восвояси.

— Уверены, что его стоит нанимать?.. А то я уже беспокоюсь.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Но для нас он будет весьма кстати.

— Вы, правда, так считаете?

— Среди его окружения нет близких. Он любит деньги, но не ищет признания во внешнем мире. Если платить ему и дать рабочее место, наверняка не предаст. И установить контакты с людьми извне у него здесь не выйдет, поэтому конфликта интересов не возникнет.

Полностью исключить вероятность угроз с требованием повысить зарплату нельзя, но, если выкинет подобное, мне можно с ним не церемониться.

— И из разговора он должен был понять, что делать из меня врага — плохая затея.

— П-понимаю...

— Если тебя так озадачил он один, дальше ты вряд ли протянешь. Соя не последний, я собрал людей, способности которых не вызывают сомнений, тем не менее все они послужили источником проблем и были уволены.

В плане руководства с них нельзя спускать глаз, а вот что касается возможностей, выглядят они крайне обнадеживающе.

Кроме того, я вышел и на других профессионалов в области воспитания и развития: бывший заведующий отделением акушерства и гинекологии, эксперт в области экологии, тренер, обучавший игроков из олимпийской сборной и так далее.

Разумеется, это лишь начало. В будущем мы будем расширять наши возможности: пригласим гениев из самых разных областей, что позволит еще больше сил вложить в развитие детей.

— Может, стоило его все-таки расспросить? Мы ведь не знаем, насколько он хорош!

— Расспрашивать смысла нет. Я ни в медицине, ни в образовании ничего не понимаю. Сейчас таким, как он, надо показать, что мы всегда будем действовать жестко, и нанимать всех без разбору, лишь бы могли принести пользу.

— Иными словами... практически все явившиеся на собеседование уже считаются прошедшими?

— Так и есть. Поэтому твое отсутствие особой погоды бы не сделало.

Зато можно считать, что он принес какую-никакую пользу с позиции оказываемого давления.

Даже если с этого момента я начну вникать в сферу, много знаний не приобрету. Вместо того чтобы в дело лез полный дилетант, лучше столкнуть нос к носу профессионалов в своей области.

— Справится ли тот тип? А насколько способными будут остальные, которым еще предстоит пройти собеседование? Ответы на вопросы появятся сами собой, если мы просто заставим всех нанятых потягаться между собой.

Другая команда специалистов также прояснит, есть ли результат от образовательного процесса. Если же не увидим определенных успехов, без колебаний уволим их.

Часть 5

— И-наконец-то закончили... Не думал, что так устану.

Собеседования начались в четыре, всего мы поговорили с шестью кандидатами. Сейчас было уже начало девятого.

Понимаю чувства обессиленного Камогавы. Каждый из пришедших, несомненно, был профи в своем деле. Однако как люди они незрелые, и не вызывают ничего, кроме приступа тошноты. Понятное дело, о нормальном разговоре с ними не могло быть и речи. И хотя нанять на работу весь пришедший сегодня сброд довольно легко...

— Как поступите?

— Ишида и Соя, несмотря на их сомнительные характеры, подходят. Наиболее здоровой чувственностью, как мне показалось, обладает Табучи. У остальных тараканов в голове столько, что они перекрывают все их способности, поэтому им откажу.

— Если не считать их высказывания, их послужные списки и образ мыслей просто невероятны! Я, правда, ничего толком не понял...

Однако получится ли штатно запустить проект, вопрос остается открытым. Изначально мне казалось, что после собеседований мы проясним момент, хотя бы чуть-чуть, но...

Я никак не могу избавиться от тревожности.

Эти люди талантливы, но ничего выдающегося в них не чувствуется. Получится ли с ними дать первоклассное образование?

— Пойдем поедим, что ли?

Сколько ни думай, толку мало. Для начала нужно перезагрузить голову.

— Давайте! В такие моменты надо погулять как следует!

Позвав Камогаву поужинать для смены обстановки, я встал и вытащил из кармана телефон.

— Аянокоджи-сан, у вас что-то упало! — он подобрал что-то с пола и протянул мне. Это оказалась визитка.

— Цукиширо, да?..

Наоэ-сенсей представил его как мастера на все руки...

— Ах, точно, он же давал ее. Правда, она теперь вся потрепанная.

— Возможно, неплохой шанс узнать, насколько полезным он окажется.

— Э, вы собираетесь звонить ему? У него же такая страшная улыбка...

Название его должности звучит подозрительно, тем не менее Наоэ-сенсей никогда бы не стал держать возле себя людей, от которых нет пользы.

Быть может, стоит хотя бы попробовать с ним связаться.

И для этого я набрал указанный на визитке номер.

Если не дозвонюсь, что же, таков будет недвусмысленный намек на отсутствие контакта. Вот с такой мыслью я набрал номер. А после нескольких гудков...

— Я ожидал, что вы-таки позвоните мне, Аянокоджи-сан, — сразу раздался голос мужчины, по которому угадывался Цукиширо.

— Как ты узнал, что это я?

Своего телефона я не давал и, совершенно точно, сейчас звоню ему впервые.

— Знаете, в заблаговременном изучении человека нет ничего плохого.

— Только мне это не по душе.

В том, что он знает мой номер телефона, нет ничего удивительного. Его не так сложно узнать, достаточно спросить кого-то из окружения Наоэ-сенсей или даже у секретаря. Мне не по душе от того, как Цукиширо говорит — словно загодя понимал, что я позвоню.

— Что Наоэ-сенсей про меня наплел?

Вряд ли он лишь представил нас. Интуиция подсказывает, что за этим явно что-то скрывается.

— Понимаю, к чему вы клоните, но ответить на ваш вопрос не могу.

— Давай угадаю... Ты должен следить за мной на тот случай, если я облажаюсь?

По одному голосу нельзя выяснить истинную сущность собеседника, также как и определить, волнуется ли он. Оценка в подобной ситуации может оказаться весьма рискованной. И все же интуиция подсказывает мне, что этот самый Цукиширо не позволит с такой простотой «читать» его.

— Если вам удобно, не могли бы мы встретиться? Возможно, я смогу оправдать возлагаемые вами ожидания.

Пока я размышлял, как мне следует поступить, Цукиширо сам назначил мне встречу.

— Ожидания?

— Разве вы позвонили мне не потому, что у вас возникли сложности?

— Смотрю, ты в себе уверен. Хотя я ни слова ни сказал о сути моих сложностей. А что касается ожиданий, если впустую их завышать, потом можно об этом пожалеть.

— Если надо, я могу выдвинуться прямо сейчас.

«Прямо сейчас»? Кажется, чересчур уверенным в себе. Или добивается чего-то еще?

Опасения насчет возможной ловушки я не отбросил, но все же решил согласиться на его предложение.

— Тогда давай сейчас. Только не вздумай сказать, что не сможешь.

— Ни в коем случае. Как тогда поступим? Я могу приехать к вам. Вы же сейчас у себя в офисе?

— Ах ты...

Ему даже известно, что сейчас я нахожусь в офисе?

— Думаю, разговор пройдет более гладко, если я сам направлюсь к вам. Мне потребуется где-то около часа. Вас устроит?

— Как хочешь.

Был ли он уверен, что я выйду на связь, — вопрос отдельный, но ясно одно: Цукиширо разнюхивает про меня и даже умудрился что-то узнать.

Похоже, информация по поводу этого амбициозного проекта постоянно льется Наоз-сенсею.

— Эм, так что вы решили?

— Сейчас будет встреча с Цукиширо.

— Э-э, сейчас?! А как же ужин?..

— Иди без меня. Я встречу с ним один.

Камогава — кладезь информации, поскольку он участвует в проекте. Встречаться предстоит с потенциальным врагом, и своим присутствием он будет только мешать.

Часть 6

С тех пор прошел час. Я ждал на улице возле офиса. Мне было интересно, как же он заявится.

Вскоре практически в назначенное время показался черный БМВ.

— Подождете немного? Мне надо припарковать машину, — произнес Цукиширо, опустив стекло со стороны водителя. После он проехал на стоянку, и на своих двоих вернулся ко мне.

— Надо же, сам сидишь за рулем.

— В основном всю работу приходится выполнять в одиночку. И мне не нравится идея доверить кому-то вождение. Это почти тоже самое, что доверить человеку свою жизнь.

Я относил его к напыщенным людям, но, возможно, постоянный риск, которому он подвергается, все объясняет. Меня самого время от времени посещают схожие мысли, озвученные Цукиширо.

Пройдя в офис, я сказал ему сесть, куда захочет.

— Ты говорил, что, возможно, сможешь оправдать мои ожидания. Хотя бы имеешь представление, о чем пойдет речь?

От его неизменной улыбки на лице в помещении повисла жуткая атмосфера.

— Конечно. Проект обучения кадров, не так ли?

— Кажется, Наоэ-сенсей предусмотрел абсолютно все. Неужели он с самого начала не собирался доверять весь проект мне одному?

В тот день Наоэ-сенсей даже не думал оставить проект лишь на меня и Камогаву. Хотя нет, я сам виноват, неправильно все истолковал. Это моя первая важная работа. Наоэ-сенсей решил подстраховаться, поскольку ее ни в коем случае нельзя провалить, что вполне оправдано.

— Если я не справлюсь, реализация проекта отойдет тебе, правильно?

— Может быть. А может и нет.

Разумеется, прямо отвечать он не станет.

Мы вроде бы не сильно отличаемся по возрасту, тем не менее, похоже, он успел немало повидать. А раз так, то ничего удивительного в том, что ему доверяют.

— Ошибся с выводом, да? Скорее всего, ты будешь присматривать за новыми политиками, которые могут прийти мне на смену.

Если я и Камогава облажаемся, проект отдадут кому-то еще. Ну а Цукиширо останется осуществлять общий надзор, собирать информацию и отчитываться перед Наоэ-сенсеем.

— Великолепно. Вы отчасти правы, Аянокоджи-сан.

— Отчасти?

— Да. На меня возложены сразу две обязанности. Первая соответствует тому, что вы сказали. А вторая заключается в помощи политикам, кому вверен проект обучения кадров.

— Ты сказал «помощь»?

— И весьма активную. Однако, насколько я могу видеть, вы этому не сильно рады.

Помощь — звучит хорошо, но еще он должен будет позаботиться о всяких проблемах, если что-то пойдет не так.

— Вот чего я не могу понять. Мы с тобой одного возраста, и очень сомневаюсь, что Наоэ-сенсей настолько доверится тебе.

— Мы с вами, Аянокоджи-сан, действительно лишь юнцы по меркам мира политики. Тем не менее люди, умело оказывающие поддержку влиятельным политиками, — бесценны, невзирая на возраст. Хотя я работаю со всеми и не ограничиваюсь одними только госслужащими.

Цукиширо, судя по словам, даже не пытался скрыть, что он выдающийся. И не похоже, что это была переоценка. Его уверенность продиктована реальными результатами.

— Прежде чем я поручу тебе работу, хочу кое о чем спросить.

— О чем же?

Я достал утреннюю газету и указал пальцем на небольшую статью, напечатанную в уголке.

— Префектура Ибараки, город Оараи. В статье пишут о теле, найденном в порту.

— Знаете, не такая уж и редкость. Люди по всей Японии умирают каждую секунду.

— Этим человеком был местный журналист, я его знал. Волк-одиночка питал неприязнь к политике, в частности к «Гражданской партии». Несколько раз даже просил Наоэ-сенсея дать интервью.

— Простите, и какое он имеет отношение к нашему разговору?

— Твоих рук дело, а, Цукиширо?

— Весьма прямолинейный вопрос, Аянокодзи-сан. Думаете, я вот возьму, и отвечу «да»?

— Меня не это волнует. Когда мы в первый раз встретились в рётэе, именно тот журналист следил за Наоэ-сенсеем?

Цукиширо бросил взгляд на статью, даже бровью не поведя.

— Похоже, в колонке сплетен должна была появиться статья о Наоэ-сенсее. У него есть жена и ребенок. А еще молодая особа. «Гражданская партия» не смогла бы избежать имиджевого урона.

Так и думал. Вот почему в тот день он на самом деле сопровождал Наоэ-сенсея. Специально приставил к нему девушку, вычислил следившего за ними журналиста, а затем избавился от него.

Правда, Цукиширо в этом прямо не признается...

Я сжал кулак и со всей силы ударил им по столу.

— На страх не похоже. Нет, скорее... вы злитесь? — с большим любопытством проанализировал Цукиширо мое поведение.

Да, при таком содержании разговора ужас, страх или трепет — вполне закономерные эмоции. Ведь тогда получалось, что жуткий тип передо мной, возможно, по долгу службы прикончил человека.

Но нет, мне не страшен этот Цукиширо.

— Почему ту работу поручили не вам?.. Не поэтому ли вы злитесь?

— Выполнять грязную работу — моя обязанность. Так было всегда.

Достаточно было сказать мне всего одно слово. Уверен, я смог бы все устроить не хуже этого человека.

— По крайней мере я бы не совершил глупость, позволив кому-то обнаружить тело.

— Я осведомлен о ваших дружеских связях. И хочу сказать, вы довольно близки с кланом Оба, Аянокоджи-сан.

Он точно многое разузнал обо мне.

— Тогда ты должен был давно понять, я нисколько тебя не боюсь.

— Клан Оба не является обширной организацией, однако о нем ходит дурная слава. Подозреваю, вам пришлось через многое пройти, чтобы добиться их расположения. Так вот, труп, если он не найден, трупом не считается. А если оставить человека без вести пропавшим, не получится охладить пыл кучке крыс, что собрались вокруг Наоэ-сенсея.

Иными словами, он не опростоволосился с сокрытием тела, а умышленно позволил его обнаружить?..

Причастен ли Цукиширо к смерти местного журналиста — не особо важно. Он не тот человек, на кого подействуют угрозы, даже если прямо сейчас я схватил бы его за грудки и приподнял. Понимание этого говорит о том, что его план сработал как надо.

— Знаю, вам такое может быть не по нраву, но посмотрите с другой стороны: Наоэ-сенсей очень сильно дорожит этим проектом обучения кадров. Выбор на его реализацию пал на вас, и он не хотел бы, что бы из-за простого журналиста вы подвергли себя опасности. А если бы возникли проблемы, вину на себя взял бы безызвестный человек, вот и все.

Он опасен. И тем не менее весьма способный. А еще с ним будет легче, потому что он в курсе дел.

Мне не достичь высот, если не смогу справиться хотя бы с ним.

— Мне многое не нравится, но без жертв больших результатов не достичь.

— Тут вы правы. Нужно отбросить чувства и думать только о деле.

Продолжать болтовню было бы пустой тратой времени. Поэтому стоит перейти к главному.

— Я недавно проводил собеседования для сотрудников новой исследовательской лаборатории. Кого-то приметил, но важных людей все еще не хватает. На их поиски уйдет время.

— То есть вы хотите попросить меня подобрать нужные кадры?.. И быстро?

— Возможно, у тебя есть кто на примете. Только учти, мне не нужны халтурщики.

— Не беспокойтесь, Аянокоджи-сан. Я знаю того, чьи способности вас удовлетворят.

— Да ну?

— Однако знакомить вас или нет — предмет уже другого разговора. Понимаете, о чем я?

Большая часть этого мира строится на принципах бизнеса. И в нем нет значения, нравится ли тебе собеседник и в насколько близких отношениях вы состоите.

— Конечно. Сколько?

Если за определенную плату смогу получить желаемое, жаловаться мне будет не на что.

— В теории вопрос лучше всего решается деньгами, однако у меня на этот счет другая политика. Я не прочь поговорить по душам со своим потенциальным клиентом. Не откажетесь пройти собеседование прямо сейчас?

— Забавный ты. Я сам только что проводил у тебя интервью, а теперь предлагаешь поменяться местами?

Бред. Но глупо будет упустить такой шанс ради сохранения гордости и толики времени.

— Ладно, будь по-твоему.

Я составлю компанию Цукиширо в его игре и заодно сам выясню, какой от него толк.

— Весьма признателен.

Цукиширо вытащил полупрозрачный файл голубого цвета и достал из него несколько листов бумаги.

Выходит, он все просчитал? И даже то, что наш разговор придет именно к тому, к чему в итоге пришел?

— Аянокоджи Ацуоми, тридцать один год. Пол: мужской. Родился в городе Асо, префектура Кумамото. Образование: окончил старшую школу...

— Погоди. На собеседовании разве нужно уточнять такие вещи?

— Это очень важно.

Не похоже, что бы он валял дурака, но как же тошнит от его ухмылки.

— Мы с вами на равных. А может и нет. Вы сами можете обозначить, на каких ступенях иерархии каждый из нас находится. Если желаете высказаться, попрошу не сдерживаться — даже против ругательств возражать не буду.

Цукиширо все чешет языком с улыбкой на лице, но насколько он серьезен?

Хотя я для себя уже определился. Мне стало понятно одно: наши характеры разительно отличаются, но кое-что общее у нас все же есть.

— А я и прежде не сдерживался, лишь проявлял благоразумие с пониманием, что где-то за спиной стоит Наоэ-сенсей. Что ж, тогда с этого момента позволю себе ничем не ограничиваться.

— Так будет даже лучше, — расплывшись в многозначительной улыбке, Цукиширо продолжил: — Я изучил ваше прошлое настолько, насколько это было возможно. Вашу жизнь никак нельзя назвать легкой, в детстве вы постоянно в чем-то нуждались.

Не знаю, сколько именно ему удалось разузнать, но, похоже, он в самом деле провел расследование в меру своих возможностей. Весьма вероятно, даже вышел на людей, которые знали меня в детстве и в школьные годы.

— Еще я навел справки о семье. Родители бросили вас, когда вы были ребенком, вашим же воспитанием занялись бабушка и дедушка по линии отца.

Судя по тону, неудачная попытка соврать может дать обратный эффект.

— Без родителей, без денег и без приличного жилья. Да, примерно так можно описать мою жизнь.

— Без приличного? Где же вы жили, позвольте узнать?

— В лачуге, где взрослые, которые жили неподалеку, хранили инструменты для сельскохозяйственных работ. Крыша — кусок оцинковки, газа и электричества не было. Ванна представляла собой таз с горячей водой, подогреваемой на портативной газовой плитке. Ее я принимал от силы один-два раза в неделю.

Таким прошлым не гордятся. И для кого-то это может прозвучать самоуничижительно. Но я не оглядываюсь на него с пессимизмом. И даже считаю, что именно благодаря этому прошлому в моей жизни есть решимость достичь высот.

— Когда я поступил в среднюю школу, дедушка скончался от болезни. И это стало поворотным моментом. При жизни он платил небольшие страховые взносы, на выплату мы с бабушкой приобрели старый маленький домик недалеко от прошлого жилья и переселились в него.

Такой домик вряд ли другие назвали бы желанным местом для проживания. Тем не менее я помнил, какую испытывал радость — словно в распоряжение мне достался целый замок.

— Ваша бабушка еще жива?

— Нет. Насколько помню, она умерла, когда мне было чуть за двадцать. Где-то так, да.

— Очень неуверенный ответ.

— Меня не было рядом, когда она умирала, не интересовался даже. Я и так из кожи вон лез, чтобы выжить.

Мне как-то раз позвонили далекие-далекие родственники, но на похоронах я не присутствовал. Оставил все на них, оплатив самый минимум.

Я не знаю ни где находится ее могила, ни где ее останки. То же самое относится к деду.

— А они ведь столько сил вложили в ваше воспитание, и какая в итоге печальная участь.

— Столько ли, не столько. Чего не знаю, того не знаю.

Разумеется, я понимаю, скольких трудов стоит воспитать ребенка. Только мое мнение от этого не меняется.

— И все же насчет печальной участи — это факт. Сын, в воспитание которого они вложили все силы, бросает своего ребенка и исчезает. А оставшийся внук даже не попытался помочь людям, заменившим ему родителей. Им пришлось десятки лет жить в крайней нужде, забыв о роскоши насовсем.

На месте бабушки я бы точно назвал такую жизнь адом.

— Если попробуете сейчас посмотреть на ситуацию объективно, какие мысли у вас будут? Душа не болит?

— Нет, с чего бы? Что тогда, что сейчас — ничего не изменилось. Скажу больше. Бабушка всю жизнь была неудачницей и неудачницей померла. Она могла зажить лучшей жизнью, если бы только бросила меня, внука, и правильно воспользовалась полученной от деда страховкой.

Я такой жалкой жизнью жить не собираюсь.

Можно сказать, она принесла свою пользу — показала пример, каким человеком быть не стоит.

— Когда вы задались целью стать политиком?

— Однажды, когда я работал хостом, одна девушка-клиентка кое-что рассказала мне. О том, что политики получают не только деньги, но и власть.

В близлежащих кабаре-клубах развлекалось немало членов парламента. Толчком послужила моя зависть к тем типам, что гуляют на деньги народа, собранные в виде налогов.

— Впервые баллотировался в двадцать пять лет, однако голосов получил ничтожно мало, в результате чего потерпел полное поражение. Внесенный депозит был изъят, — зачитывал Цукиширо выдержку из моего личного дела. — В двадцать семь лет, когда палата представителей была распущена, изъявил желание баллотироваться вновь. Получив одобрение и поддержку со стороны Наоэ-сенсея, впервые оказался избран. Похоже, за два года вы много чего узнали о политике.

— Да, это был самый отчаянный поступок в моей жизни. Как бывший хост, я использовал женщин, чтобы подобраться ближе к Наоэ-сенсею и заработать доверие. Разумеется, только этого для признания было недостаточно. Стоит отметить еще мои амбиции, энтузиазм и упорство, с которым я пытался выйти с ним на контакт.

Я подумал, что сейчас Цукиширо начнет расспрашивать подробности, но вместо этого он удовлетворенно кивнул.

— Спасибо за детальный рассказ, — убрав личное дело, Цукиширо посмотрел прямо на меня. — Вот и славно. Я одобряю вас в качестве своего клиента.

С этими словами Цукиширо вытащил уже другой файл.

— Стой. Мы поговорили всего ничего, и ты уже признал во мне клиента?

— В некоторых областях вам не достает знаний, однако это не так важно. Исключительный интеллект и физические данные позволяют найти множество альтернатив. «Образ мыслей» — вот что главное. Я пришел к выводу, что неумные, погрязшие в пороке амбиции являются наиболее важным качеством для политика.

Я бросил взгляд на лежащий передо мной файл.

— Этот выдающийся человек сможет заслужить ваше признание.

Неужели Цукиширо предвидел, что я свяжусь с ним по вопросу поиска исследователя? Нет, дело может быть и в помощи Наоэ-сенсея из-за кулис.

— Сколько?

— В этот раз вы ничего мне не должны. Лучше всего выйдет, если в будущем вернете мне услугу в кратном размере. Ведь однажды вы, возможно, станете крупной фигурой. Это главная причина, по которой я согласился на дело.

— Не смейся. Скольким политикам ты уже такое нашептывал? Думаешь, я поверю в настолько откровенную лесть?

Этот человек якобы признал мои задатки, и все же даже он решил помочь мне только после того, как заглянул в мое прошлое.

— Не одному политику, и не двоим, конечно же, — с легкостью признался он, после чего поднялся с места. — В политике ведь как? Чем ты лучше, тем больше у тебя врагов. Выступающий гвоздь забивают, и политическую жизнь могут просто прервать. Ваши зло и амбиции тоже подавляемы, если за дело возьмется кто-то более могущественный, не так ли?

— Я не дам себя просто раздавить.

— Да, не дадите. Если вы каким-то образом окажетесь в опасной для жизни ситуации, ваша решимость позволит без колебаний утянуть противника за собой в могилу. А такие люди, обычно, на редкость живучи.

В мире политики я был лишь новичком. Без Наоэ-сенсея за спиной ничего бы не смог добиться.

Мы с Цукиширо вышли из офиса, и ко мне подошел еще один мужчина в белом халате.

— Он — то, что вы ищете. Я сказал ему прийти в это самое время.

— Ты с самого начала собирался так поступить?

— Если бы по результатам беседы я счел, что вы не подходите, то, разумеется, не стал бы устраивать встречу.

Цукиширо поклонился и удалился.

Пришел черед для собеседования нового человека. В личном деле было указано слегка необычное имя: «Сузукаке Танджи».

— Здрасьте.

— Проходи.

Даже если его предоставил Цукиширо, а значит и Наоэ-сенсей, это не значит, что можно расслабляться. Наниматель должен в мельчайших подробностях расспрашивать кандидатов и проверять на наличие проблем.

Вошедший в кабинет мужчина, Сузукаке, своей щетиной и неопрятностью производил впечатление человека средних лет, однако на деле он моложе меня — двадцать девять лет. Окончил Токийский Университет, лучший в своем выпуске, уехал в Америку, однако значительных успехов не добился. Смышленный, так сказать, но имени он себе не сделал.

Я пока не понимаю, почему его советует Цукиширо.

— В резюме почти ничего не написано. Чем занимался за границей?

— Чем хотел.

— А чего хотел?..

— Ну, всякое разное.

— Это не ответ. Мне нужны подробности.

— Наблюдал за людьми, короче.

Он даже за речью своей не следит. Благо, за сегодня через меня прошло порядочно таких людей. Мне стало понятно, что лучше, когда человек говорит четко и по делу, а не пытается изъясняться одними вежливостями.

— Хорошо, расскажите, пожалуйста, почему вы решили пройти собеседование у нас.

— Слышал, платят хорошо. А денег нужно много, чтобы и дальше жить за рубежом.

— Оно и не удивительно. Цены там высокие, ни в какое сравнение не идут с японскими.

Способный человек должен работать на одном месте, но судя по отношению, для него это будет той еще задачей. Поэтому и говорить о таком смысла нет.

— Я бы хотел попросить кое о чем...

— О чем?

— Для начала избавь меня от этой отвратительной наигранной вежливости. Можешь считать меня ничтожеством, но, если хочешь, чтобы мы сработались, я должен узнать, каков ты на самом деле.

— Ясно... Я точно против не буду, но уверен, что из-за этого не уйдешь?

Если он сам того хочет, мне нет смысла и дальше изображать дружелюбие.

Сев поудобнее, я закинул ногу на ногу.

— Говорю, как есть, пока ты не проходишь, Сузукаке. Окончил престижные учебные заведения, из каждого выпускался с отличием. Интеллект достоин похвалы, но ты не оставил им результаты.

— Просто не представилось возможности, — ответил Сузукаке, — я не ищу ни славы, ни особого положения. Чего я хочу, так это разгадать, как устроен механизм человека. И политика обучения кадров, которая ляжет в основу данного проекта, — наилучшая возможность для поисков ответов на мои вопросы, я так считаю.

— Не ищешь положения, говоришь? Если сможешь продемонстрировать соответствующий моим ожиданиям результат, получишь такую награду, какая тебе и не снилась на прошлых местах. А если проект Белая комната окажется успешным, сможешь рассчитывать даже на славу.

Я передал Сузукаке документы по Белой комнате, и он принялся их изучать.

Повесь у них перед носом целую кучу морковки, и тогда они проявят все способности без остатка. По крайней мере на мой взгляд. Не понимаю я этих исследователей. У них загораются глаза, прямо как у детей, при виде оборудования и условий, в которых им предстоит работать, а еще начинают бормотать о своих идеалах и стремлениях.

Часть 7

Несколько дней спустя я отправился в Сайтаму, где ремонтные работы Белой комнаты подошли к концу. Перебирая изображения, я ломал голову насчет выбора остальных учителей. И в это самое время ко мне пришел Камогава.

— Вы молодец, Аянокоджи-сан. Как у вас с самым главным... ну, с получением детей? Есть

прогресс?

— А без них проект не запустится. Схема почти проработана.

— О-ого, надо же... Р-разумеется, в подробности можете меня не посвящать. Я, в общем, все еще не готов оказаться за решеткой.

Камогаве я не говорил о том, каким именно способом мы будем собирать детей. А он таков: незаконная передача младенцев посредником на черном рынке при участии клана Оба.

Однако это сопряжено с большим риском. Поэтому однажды придется так или иначе перейти на законные методы.

Пока это только в стадии идеи: чуть позже создадим страницу в интернете, куда поместим объявление для родителей, которые в силу тех или иных обстоятельств не могут воспитывать будущих детей. В объявлении также укажем, что готовы принять их к себе.

Пожалуй, идеально было бы, если окажем поддержку еще до родов. Некоторые женщины без содействия со стороны государства не могут даже оплатить сопутствующие расходы. И есть немало случаев, когда рожают тайком и убивают младенцев.

Разумеется, теоретически это возможно. Но и тут не обойтись без серьезных рисков. Ребенок в утробе женщины не делает из нее маму в истинном смысле слова. И наверняка можно найти много примеров, когда женщина во время беременности считает, что не сможет родить, или даже если родит, то не сможет воспитать, но стоит ей увидеть ребенка, и она сразу применяет на себя роль матери.

С другой стороны, как поступать в случае смерти в результате трагической случайности? Если от нас потребуют вернуть ребенка, Белая комната будет раскрыта. И такой ситуации надо избежать.

Если делу придадут огласку, шумиха поднимется такая, что одной лишь подмоченной репутацией Наоз-сенсея не ограничится.

Очень важно принимать детей у тех женщин, которые по каким-то причинам не могут стать матерями, и рожаящих в местах, не накладывающих никаких обязательств.

Множества красивых, но пустых слов на главной странице должно быть достаточно. Напишем всякие ключевые фразы, призывающие обеспечить будущее себе и своему ребенку, вроде: «не отнимайте жизнь», «принимаем младенцев анонимно», «оказываем помощь тем, кого настигли жизненные трудности», «работаем по системе приемных родителей» и так далее.

С посетившими больницу матерями сначала необходимо провести беседу. Попросить назвать

причину, по которой они не могут растить ребенка, как все, но не спрашивать имени и места проживания. Если ребенка просто не могут родить официально, такие женщины, вероятно, с легкостью отдадут его приемным родителям. Тем, кто испытывает проблемы с деньгами, можно дать определенную сумму.

В тех случаях, когда от безысходности решат оставить ребенка в больнице, непременно нужно дать отсрочку в одну неделю. Возможно, часть родителей уже на следующий день начнут жалеть, что так поступили.

Таким вот образом будем собирать непризнанных детей и отправлять их в Белую комнату.

Мы также скажем, что не против, если через два-три года родители потребуют детей обратно. С этой целью сохраним их имена, чтобы оставалась формальная связь с матерями. Но, конечно, у них не будет права требовать вернуть якобы усыновленного ребенка.

И раз мы занимаемся этим нелегально, требуется избегать любого рода публичности.

Вот из-за всего перечисленного так сложно обращаться с товаром в виде детей — здесь жизненно необходимо проявлять крайнюю степень деликатности.

— У нас еще остались нерешенные вопросы. Конкретно, это медицинский уход за детьми.

— Медицинский... уход?

— Дети слабы. Подрывают здоровье буквально любой мелочью. Везти их в больницу будет затруднительно, так что нам необходим доктор, который сможет лечить их прямо в Белой комнате.

Но подойдет не любой врач.

Есть несколько условий: это должен быть человек с гибким мышлением, у которого отобрали врачебную лицензию. Возраст как можно выше, но совсем старый не подойдет. И чтобы была возможность восстановить лицензию в зависимости от обстоятельств. У такого человека должны быть проблемы: либо с деньгами, либо с тем, что отказывается работать честно, как законопослушный гражданин.

— Это... довольно сложные условия. Не самые удачные, что ли...

— И понятно, почему. Но, если как следует поискать по всей Японии, человека с невероятным прошлым отыскать можно. Я как раз наткнулся на одного бывшего врача, который живет в горах Тоттори. В прошлом он попал в аварию, сбив насмерть двоих студентов, катавшихся на мотоцикле.

Авария — это не такая уж большая редкость. Поздней ночью доктор возвращался домой после тяжелого рабочего дня, его одолела сонливость, из-за чего не смог определить расстояние до мотоцикла, в итоге свернул направо и зацепил его. Однако не помогло даже то, что он сразу вызвал полицию и скорую. Просто не повезло — сбитый оказался сыном известного местного землевладельца. После происшествия врач, пытаясь скрыться от взглядов, сбежал туда, где его никто не знал.

— С той аварии прошло десять лет. У него есть возможность повторно получить лицензию, но вместо этого он каждый день прикладывается к спиртному.

— Т-то есть такого человека... Нет, согласен, новость хорошая, вы смогли найти того, кого искали. Но разве у вас совсем нет причин для беспокойства?

— Когда-то он был показушником, который любил сорить деньгами. Как раз такой нам и нужен.

Всего один человек. Лучше, если двух.

Нужно найти врачей, кто сможет взять на себя медицинский уход за детьми.

Часть 8

Прошло три месяца. Получение детей налажено, и запуск проекта уже не за горами.

Однако напоследок нужно обсудить сам процесс обучения с воспитателями.

Исследователи уже въехали с минимальным багажом в Белую комнату, где будут жить и работать. Сейчас все собрались в лаборатории для обсуждения.

Ишида, Соя, Сузукаке, Табучи — все четверо сидели облаченные в белые халаты.

— Итак, с этого момента вы вчетвером будете отвечать за воспитание первого поколения учеников Белой комнаты. Очная встреча у нас проводится в первый раз, однако до этого мы успели вдоволь обменяться мнениями во время онлайн-конференций. Я считаю, каких-то препятствий для совместной работы нет.

— Подождите, пожалуйста. Да, мы провели несколько обсуждений, тем не менее наши взгляды и принципы сильно отличаются. Как, по-вашему, мы должны работать вместе? — озвучил свои мысли Соя, самый старший из присутствовавших.

Ишида и Сузукаке даже не кивнули, по их лицам отчетливо читалась полная уверенность в том, что их позиции не могут быть ошибочными. Ничего удивительного, такое было и на

онлайн-конференциях.

Они именно из таких типов, которые без конца будут проталкивать исключительно свои принципы, если позволить.

— А если я настою на том, чтобы вы изменили мнение?

— Не выйдет. Тогда, прошу простить, но я буду вынужден уйти, — сразу отозвался Ишида.

— Присоединяюсь. Я тут ради того, чтобы провести обучение согласно моим идеалам. Если мне не позволено претворить их в жизнь, я работать не собираюсь, — согласился с ним Сузукаке.

У них даже в мыслях не было поступиться хоть чем-то.

— Что за неуважение по отношению к Аянокоджи-сану? Я ведь знаю, вам уже на этапе подготовки выплатили внушительные суммы!

Насчет пренебрежительного отношения он прав, даже такой дилетант по части образования, как Камогава, не смог закрыть на это глаза. Однако за это его надо отчитать:

— Пожалуй, я недостаточно четко выразился, тем не менее не делай поспешных выводов.

Всего у нас пятнадцать детей, которых можно пустить в ход прямо сейчас. Я разложил на столе лицевой стороной вниз пятнадцать карточек, каждая размером с визитку, с написанными на них именем, полом и датой рождения младенцев. Затем перемешал.

— Ишида, Сузукаке, Соя — возьмите наугад по пять бумаг. Выбранные дети станут вашими подопечными, за чье образование вы будете отвечать в течение определенного времени. Первое поколение учеников Белой комнаты будет представлено тремя группами, обучающимися параллельно. Табучи предварительно согласился взять на себя роль беспристрастного наблюдателя.

Табучи кивнул, после чего по очереди посмотрел на остальных.

— Даже так. Хорошая мысль. А другого нам ничего не остается, раз взгляды не совпадают.

Моя задумка заключается в том, чтобы дать троице возможность беспрепятственно тягаться друг с другом. Заставить гениев с разными взглядами на мир работать вместе рука об руку невозможно с самого начала.

— Однако это не навсегда. Период обучения составит три года. По достижении трех лет все дети пройдут через общее тестирование. Возглавивший лучшую по результатам группу станет официальным лидером.

Никто не сомневался в своей победе, а значит, причин для беспокойств не было.

Удовлетворенный условиями, Ишида кивнул и потянулся к бумажкам. Я в этот момент хмуро посмотрел на него и перехватил руку.

— В-вы чего?!

— А теперь слушайте внимательно. Если проиграете и начнете нести всякую чушь, вроде того, что у детей были не те задатки, или начнете протестовать и ослушиваться, можете попрощаться с деньгами за три года на своей сберегательной книжке. И вы потеряете не только положение в обществе, но и в подпольном мире. Запомните мои слова, договорились?

Дослушав, Ишида напротив меня громко прочистил горло.

— Вы двое — все уяснили?

— Возражений нет.

Соя, похоже, все понял, но напомнить лишний раз не помешает.

Однако из всех только Сузукаке был с недовольным лицом.

— Если что-то не нравится, говори сейчас.

— Ладно. Меня беспокоит необходимость подчиняться лидеру. В своем поражении я не уверен, но хотелось бы знать, как поступят те, кто последуют за мной. Если позиция и принципы кардинально расходятся с таковыми у лидера, выходит, что за ним все равно слепо последуют? Раз так, я не собираюсь на это подписываться.

— Если бы требовалось бездумное соглашение от всех участников, мне не нужны были бы гении. И тем более нет никакой выгоды от единства вас, троих чудаков. У лидера будет право принять окончательное решение, но, если возникнут разногласия по поводу образовательной политики, начнется всестороннее обсуждение. Для этого и нужен Табучи.

— словно правящая и оппозиционная партии, — произнес впечатленный Камогава слова, которые бы сказал только политик.

— Я все понял...

Ишида также вернул самообладание, но не утратил тот огонек в глазах, который говорил об уверенности в себе.

Программа потребует время, но это, пожалуй, наилучший выбор.

Обучение первого поколения в трех отдельных группах продлится три года, после чего будет определен лидер, который и возглавит процесс.

На это понадобятся деньги, плюс снизится эффективность, но таким образом удастся объединить всех причастных к воспитанию.

Когда сформируем политику обучения, новые поколения учеников будут создаваться на ежегодной основе.

Наверняка в планы придется на ходу вносить множество изменений, однако пока это лучшее из доступных нам решений.

Продолжение следует...

Над переводом работала команда RanobeList.

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/4241/2742856>